

цузский ученый выстраивает структурную теорию на основе анализа элементарных структур родства и мифологических системах племен Южной и Северной Америки.

Самое главное достижение основателя структурализма, на наш взгляд, заключается в обнаружении скрытой логики, которой подчиняется структура. Он доказал, что за кажущимся необузданным творчеством первобытного мышления скрывается имплицитное действие законов разума, носящих объективный характер. При всей спорности проведенного антропологом исследования, тем не менее, приходится констатировать, что он достиг цели, которую сформулировал следующим образом: «Поэтому, если удастся доказать, что за кажущейся произвольностью, свободной и ничем не связанной изобретательностью лежат законы, действующие на более глубоком уровне, то заключение станет неизбежным: разум, оставшись наедине с самим собой и освободившись от обязанности компоновать объекты, сводится к тому, чтобы в каком-то смысле имитировать себя как объект; его законы и операции не отличаются принципиально от тех, которыми он руководствуется при осуществлении другой функции, и он таким образом удостоверяет свою природу вещи среди вещей» (2, 19).

Результат исследований К.Леви-Строса позволяет констатировать наличия у социальной структуры определенных закономерностей построения и развития. Они могут совпадать не

только с общими законами развития общества, но даже им противоречить. Это объясняется наличием собственной сопротивляемости, присущей любой структуре, даже социальной, что фиксируется и культивируется в традициях и имплицитных нормах. В свою очередь, они придают социальному институту не только устойчивость, но инертность. Особенно важен учет этой характеристики при построении интеграционных процессах на региональном и международном уровнях. В последнем случае этом может носить противоречивый и даже болезненный характер.

Таким образом, обращение к рассуждениям социальных антропологов о социальной структуре мы считаем возможным и обоснованным по нескольким причинам. Прежде всего, все современные институциональные образования в нашем обществе так или иначе произошли от древних своих аналогов, а следовательно в чем-то еще сохраняют их характеристики (конвенциональность, гибкость, адаптивность, выстраиваемость и т.д.). Затем, нельзя забывать о теоретическом опыте микросоциологических исследований социальных антропологов, поскольку их всегда интересовали исследования на примере конкретной культуры. Наконец, синтез предметного поля социологии образования и методологии социальной антропологии может высветить в новом свете старые, казалось бы хорошо изученные проблемы.

1. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования. – М.: Гардарики, 2005.

2. Леви-Строс. Мифологии. В 4-х. Том 1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

3. Малиновский М. Функциональная теория // Антология исследований культуры, Т.1: Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997.

4. Николаев В.Г. Сравнительная социология А.Р. Рэдклифф-Брауна // Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

5. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Е.С. Долгина
Нижевартовск

Антиутопическая диалектика: путь от «винтика» к человеку

The article deals with one of the main questions of antiutopian dialectics: the problem of consciousness awakening in totalitarian state. The article analyses the "conscious" evolution of D-503, a character of E.I. Zamyatin's novel "We". The author comes to the conclusion that antiutopian reality space prevents any further development of a thinking person in a totalitarian – technocratic state.

В научной концепции культуры Бахтина [1; 179] и художественных поисках Замятина 20-х годов отразилась глубинная коллизия эпохи,

продемонстрировавшая кризис личности, утрату каких бы то ни было условий, обеспечивающих личности независимость и суверенность. Отсю-

да – невероятная напряженность и противоречивость усилий вернуть культуре само понятие “личность”.

Е.И. Замятин в качестве ценности утверждает человека, воплощающего преднаходимое единство “мира вещественного” и “мира другого” (феноменального и ноуменального). Разделение этих миров и ведет, как показано в романе “Мы”, к конфронтации. Тотальное единство (на любых основаниях) не оставляет места инициативе индивидуального разума, лишенного свободы – или даже возможности – высказывать свои мысли. А без критики разум, если воспользоваться словами Канта, “находится как бы в естественном состоянии и может отстоять свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством войны” [5; 625]. Восстание нумеров и “дикарей” в романе, понятое в рамках кантовского анализа “естественного состояния”, как раз и демонстрирует утрату “мужества пользоваться собственным умом” [6; 27] и, следовательно, свободы – “коренного права человеческого разума” [5; 626].

Актом сознания Д-503 герой романа “Мы” выделился из общества, Единого Государства. Так называемый “пограничный период” инициации, по мнению В.Я. Проппа, связан с дорогой в иной мир, через лес [7; 58]. В фольклоре, как известно, граница леса, царства мертвых, обозначена избушкой бабы-яги. В романе такой границе соответствует Древний Дом и охраняющая вход в него старуха. Героями романа Д-503 и I-330, рожденными в лабораториях Единого Государства, старуха с ввалившимся, заросшим ртом (коррелирующим с женским лоном) воспринимается как мать. Тем самым герои приобщаются к своей естественной родовой человеческой сущности, отрицаемой идеологией Единого Государства. С точки зрения этой идеологии, родовая сущность – явление атавистическое и, следовательно, мертвое. Вытесненные за пределы стен Государства поросшие шерстью дикари в восприятии нумеров – мертвецы. Отсюда понятно, что лес, где они обитают, вполне соответствует “тридесетому царству” как загробному миру.

Инициация состоялась: Д-503, по его собственному признанию, “перестал быть слагаемым, как всегда, “стал единицей” [2; 183]. Искусственно рожденный Д-503, лишенный исторической и нравственной памяти, пригвожденный рассудком к незыблемым скрижалям Единого Государства, регламентирующим все отправления “нумеров” (от половых до служебных), оказался причастным не Богу любви, но Богу жес-

токости (Благодетель и открывает Д-503 эту истину).

В.А. Туниманов, рассматривая “борьбу миров” в романе, делал вывод: “Замятин явно из двух миров предпочитает “старый”, со всеми его несовершенствами и стихийно-разрушительными явлениями. “Скифское”, дикое, свободное для него бесконечно роднее и человечнее стерильного Единого Государства “идеальной несвободы”: пусть лучше жуткая, но и “веселая” петербургская зима 1917-1918 года, чем скучный прозрачный город с укрошенными солнцем и облаками, розово-талонной любовью и фараоноподобным Благодетелем...” [8; 75].

Столкновение Единого Государства с носителями бунтарского начала — это внешний план действия. Гораздо значительнее в романе внутренний план, связанный с фигурой повествователя, состоянием его сознания, его духовной и интеллектуальной биографией. Ему, автору и главному действующему лицу, принадлежит первая роль в произведении.

Строитель Интеграла, Д-503, поначалу — плоть от плоти Единого Государства. Он часть его структуры, которая немыслима без Благодетеля, без репрессивного и пропагандистского аппарата, без “нумеров” с присущим им комплексом благодарности Благодетелю, сознанием долга перед Единым Государством и чувством превосходства над всеми, кто вне “Единой церкви”. Но именно ему, Строителю, дан шанс выйти из-под власти господствующих догм, именно его судьба позволяет писателю провести исследование трагических коллизий, связанных с проблемой освобождения личности.

Сам принцип появления главного лица в произведении представляет собой некий парадокс. Д-503 рекомендует себя поначалу как делегата множеств, как их правомочного представителя, берущего на себя право говорить от лица “мы”, выражать общую точку зрения. Началом внутреннего действия становится коллизия двух разнонаправленных устремлений героя — любви и заговора против Единого Государства. Вследствие чего в миражном пространстве Единого Государства появляются признаки естественного мира: Древний Дом, музыка Скрябина, “пестрая, путаная толчея людей, красок, птиц...”; “дикая, неорганизованная... пестрота красок и форм”, “исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения — линии мебели” [2; 93].

Повествование приобретает остросюжетный характер, но вместе с тем строится, прежде всего, как монолог, в котором герой чем дальше, тем больше превращает описание в исповедь,

принимавшую по мере развития конфликта лихорадочно напряженный характер. Монолог тяготеет к лирическому типу — он воссоздает образ переживания с помощью метафор, часто развернутых, обозначающих сложные метафизические понятия, психологические состояния, и с помощью разветвленной системы взаимосвязанных лейтмотивов, выступающих как знаки идей или настроений в их вариационном развитии, пересечении и столкновении, которыми сопровождается пробуждение в Д-503 его «лохматого» двойника.

Существование в «стеклянном рае» подразумевает всеобщую «прозрачность». Мотив прозрачности как полной контролируемости частной жизни трансформируется по мере «рождения» у Д-503 души в мотив тайны. Что-то таинственное, непонятное чудится Д-503 в членах его «семьи» — О-90 и R-13. Но только любовь к I-330 открывает Д-503, что «прозрачность» мира в Едином Государстве мнима, что в человеке остается непрозрачным самое существенное — сознание, и ведут в его глубины «только крошечные окна» — глаза. И когда они приоткрываются, в них пылает огонь. Мотив тайны скрытого огня, страсти превращает I-330, какой ее видит Д-503, в воплощение светоносной энергии.

Страстный монолог героя передает поток противоречивых состояний, через которые проходит Д-503. Обязанный вставать и ложиться в определенный час, он открывает для себя, что все разные, что любовь — дело личного выбора, что единение с любимой приносит больше радости, чем маршировать в одной колонне, что его представление о стране безоблачного счастья — ложно, а главное — что рядом с ним существует мир, о котором он не подозревал, в его жилах течет «капля лесной солнечной крови», а в нем самом живет его второе «я».

Е.И. Замятин предвидел, сколь глубоким может быть проникновение ложных представлений в сознание человека, какую подходящую почву они могут найти в психике личности и каким мучительным может быть сопротивление между предубеждениями и естественными побуждениями, сколь непростым будет освобождение сознания, как дорого обойдется расставание с догматами, паразитирующими на стремлении человека к счастью и справедливости, на его потребности преодолеть отчуждение от мира.

Одним из трагичных и вместе с тем просветляющих моментов в истории духовного освобождения Д-503 становится тот эмоциональный взрыв в его душе, когда он, узнав, что I-330 использовала его чувство во имя общих целей,

решительно отвергает чье-либо право видеть в нем молекулу целого, функцию Дела — будь то строительство Интеграла или заговор еретиков.

Условность созданной модели действительности только подчеркивает объемность психологической характеристики, множественность использованных Замятиным детерминант человеческого поведения и состояния — природно-биологических, эмоционально-психологических, нравственно-философских. В антиутопии представлено механическое равенство: «В один и тот же час единомиллионно начинаем работать — единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же назначенную скрижалью секунду, мы подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тейлоровских экзерсисов, отходим ко сну...» [2; 83].

Однако по мере движения внешнего сюжета в сознании Д-503 и в структуре его рукописи происходят качественные изменения. В первых, в «Записях» возникают противоречия, противопоставления, возникают проблема выбора и элементы оценки: «приятно-полезная функция» перерастает в любовь (отношения с I-330), добровольное подчинение государственной власти оборачивается духовным рабством и полным обезличиванием (Великая Операция по удалению фантазии), выполнение долга оборачивается предательством (отказ донести на I-330, участие в митинге сторонников революционного заговора Мэфи). В романе психологически тонко изображено как в номере Д-503 — частице «единого, могучего, миллионноклеточного организма» — зарождается сознание своей личности.

В сознании героя все сплетено в один клубок. Его желанию осуществить себя как неповторимую личность в чувстве к I-330 противостоит не менее сильное стремление вернуться в шеренгу, снова ощутить себя частью огромного привычного целого, «вливаясь в точный механический ритм... плыть по зеркально безмятежному морю». Каждый выход за Стену порождает чувство незащищенности, страх перед «бездной». Каждое отступление от массы сопровождается в душе Д-503 ощущением утраченной устойчивости, даже ожиданием кары, мотивом больной совести (пятис на юнифе в День Единогласия; парадфраз библейского сюжета о камнях, упавших с неба на головы врагов Иисуса Навина).

Кульминацией интеллектуальной биографии персонажа становится признание им реальности ирреального мира. Это признание соединяет воедино разные мотивы романа, вплотную подводя к его центральной мысли — проблематично-

ти не столько технократической утопии или политики военного коммунизма, или коммунистической идеи вообще, сколько проблематичности самой рационалистической концепции мира, упрощенного объяснения загадок бытия, сомнительности попытки «вывести» формулу счастья. Другими словами, Замятин предъявляет счет завышенным обещаниям крайних рационалистов сделать человечество благополучным и счастливым, не знающим трагедий и страданий, держащим в своих руках нити господства над миром, его тайнами и загадками, но способными породить лишь мир наизнанку, мир, в котором идея соборности оборачивается муравейником, идея равенства — всеобщей уравниловкой, а обеспечение материальных потребностей («хлебы») требует отказа от личного выбора.

Посвящение в «скифа» заставило Д-503 осознать себя «единицей», но не избавило от наваждения — ощущения себя иррациональным числом, квадратным корнем из минус единицы. Не избавило от потребности веры, иррациональной по своей природе, обеспечивающей «незаконную» свободу поступка. А эта свобода немыслима без признания себя «личным существом», способным возвыситься над своей природной и сверхприродной обусловленностью. Такой смысловой акцент ощутим в замятинской статье «Герберт Уэллс»: «Циркулярная окружность ограниченного землей социализма и уходящая в туманную бесконечность гипербола религии — такое разное, такое несовместимое. Но Уэллс пытается разорвать окружность, разогнуть ее в гиперболу, один конец которой упирается в землю, в науку, в позитивизм, а другой теряется в облаках» [4; 383].

Впав в блаженный идиотизм — путем избавления от души — герой романа продемонстрировал отсутствие мужества.

В статье «Завтра» Замятин писал: «Единственное оружие, достойное человека — завтрашнего человека — это слово» [3; 49]. В романе же «завтра» предстало как лишенное преемственности, культуры, интеллекта и личности. И автор занял асимметричную позицию; в этой асиммет-

ричности проявилась причастность писательского слова к традиции, освященной Крестом. Писатель воплотил парадокс прокламируемого им еретичества оппозицией богохульству современной ему эпохи.

Кризисная, пороговая ситуация героя «Мы» наступает, когда Д-503 видит, как сквозь стекло на него смотрит «тупая морда какого-то зверя», его «желтые глаза, упорно повторяющие одну и ту же непонятную мне мысль». И возникает контур, абрис «золотого века», как бы предугадываемый в вопрошании: «А вдруг он, желтоглазый, — в своей нелепой, грязной куче листьев, в своей невычисленной жизни — счастливее нас?» [2; 138].

Мучительные переживания Д-503 достигают своей кульминации в его желании «не дожидаясь — самому вниз головой...» [2; 197]. Герой уже не верит в «спасение» путем Великой Операции и, главное, не хочет его. Он впервые начинает рассуждать об «окончательной» смерти. Нумера, марширующие на Великую Операцию, представляются рассказчику в гротескном, нелепом виде («человекообразные тракторы» [2; 205]), город — «чужим, диким».

Однако подобные мысли и сравнения героя — это не результат реального качественного изменения его сознания, а скорее следствие уныния и страха перед неизвестностью. До самого последнего момента Д-503 сохраняет уверенность в том, что на его глазах «рушилась величайшая и разумнейшая во всей истории цивилизация». Содержание «Записи 40-ой» возвращает нас к прежнему образу рассказчика, который после выжигания фантазии становится «совершенно, абсолютно здоров» [2; 235].

Таким образом, становится ясно, что в условиях тотального подчинения и контроля со стороны всемогущего государства сама возможность духовного роста оказывается фикцией, а движение от «нумера» к человеку — иллюзорным и лишенным всякого смысла. Именно в этом заключается трагедия существования мыслящей личности в тоталитарно-технократическом государстве.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.

2. Замятин Е. Уездное. Мы. А. Платонов. Котлован. Ювенильное море. - М., 1998.

3. Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. - М., 1999.

4. Замятин Е.И. Сочинения. - М., 1988.

5. Кант И. Сочинения в 6-ти томах. - М., 1964. Т. 3.

6. Кант И. Сочинения в 6-ти томах. - М., 1966. Т. 6.

7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - Л., 1989.

8. Туниманов В.А. Что там дальше//Русская литература, 1993. - № 1.